

Этнографические записки Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши

DOI 10.31483/r-101502

УДК 394

Егорова О. Н.

БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»,
Чебоксары, Российская Федерация. <https://orcid.org/0000-0001-7206-4474>, e-mail: cheb31_kis@mail.ru

Резюме: Работа посвящена анализу этнографических записей доктора исторических наук профессора Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши Яльчикского района Чувашской Республики, хранящихся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук. Материалы ученого являются ценными историческими источниками, описывающими общую картину повседневной жизни чувашской деревни рубежа XIX–XX столетий. Сбор этнографического материала осуществлялся ученым через включенное наблюдение в рамках предпринятой им экспедиции. Особый пласт в фонде Н. В. Никольского представляют чувашские народные песни, содержание которых свидетельствует о ценностных предпочтениях и интересах молодых людей того времени. Статья основана на анализе архивных документов в их взаимосвязи с историческими событиями в целом и биографией Н. В. Никольского в частности. Исследование ставит целью введение в научный оборот архивного материала, относящегося к указанному периоду, а также песенного материала, важного с точки зрения фольклористики. Этнографические материалы Н. В. Никольского представляются важными не только для потомков жителей Апанасово-Темяши: его деятельность по изучению истории, этнографии, фольклора и языка чувашей имеет общенациональное значение.

Ключевые слова: этнография чувашей, чувашское село на рубеже XIX–XX веков, чувашские песни.

Для цитирования: Егорова О. Н. Этнографические записки Н. В. Никольского о чувашах селения Апанасово-Темяши // Этническая культура. – 2022. – Т. 4, № 2. – С. 6-12. DOI:10.31483/r-101502.

Research Article

Ethnographic Notes of N. V. Nikolsky on the Chuvash People of the Village of Apanasovo-Temyashi

Olga N. Egorova

BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts",
Cheboksary, Russian Federation. <https://orcid.org/0000-0001-7206-4474>, e-mail: cheb31_kis@mail.ru

Abstract: The work is devoted to the analysis of ethnographic records of the doctor of historical sciences, professor N. V. Nikolsky about the Chuvashs of the village of Apanasovo-Temyashi, Yalchik district of the Chuvash Republic, stored in the scientific archive of the Chuvash State Institute of the Humanities. The materials of the scientist are valuable historical sources that describe the general picture of the everyday life of the Chuvash village at the turn of the 19th–20th centuries. The collection of ethnographic material was carried out by the researcher through participant observation as part of his expedition. A special layer in the fund of N. V. Nikolsky is represented by Chuvash folk songs, which reveal links with modern vocal culture. The work is based on the analysis of archival documents in their relationship with historical events in general and the biography of N. V. Nikolsky in particular. The study aims to introduce newly discovered documents into scientific circulation, as well as song material, which is important from the point of view of folklore. The ethnographic materials of N.V. Nikolsky are important not only for the descendants of the inhabitants of Apanasovo-Temyashi: his work in the study of the history, ethnography, folklore and language of the Chuvash is of national importance.

Keywords: Chuvash ethnography, Chuvash village at the turn of the 19th–20th centuries, Chuvash songs.

For citation: Egorova O. N. (2022). Ethnographic Notes of N. V. Nikolsky on the Chuvash People of the Village of Apanasovo-Temyashi. *Etnicheskaya kultura = Ethnic Culture*, 4(2), 6-12. (in Russ.). DOI:10.31483/r-101502.

Введение

Н. В. Никольский (1878–1961) – ключевая фигура всего чувашеведения, чья научная деятельность в полной мере охватила историю, этнографию, фольклор и язык чувашского народа [Никольский, 2004–2009] (см. также: Димитриев, 2002; Димитриев, Матвеев 2009; Димитриев, Леонтьев, Матвеев, 2011). Его научные труды основываются на скрупулезном анализе фактического материала, собранного ученым в ходе экспедиций, им самим же инициированных. Согласно свидетельствам архивных документов, одна из научных поездок ученого в начале XX в. состоялась в селение Апанасово-Темяши (чув. *Элексей Тимеш*) современного Яльчикского района Чувашской Республики, где ему удалось собрать интереснейший этнографический материал.

Материалы и методы

В основу исследования положены документы из фонда Н. В. Никольского, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН) и повествующие о жителях селения Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156; НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159]. Они были обнаружены автором в ходе работы над книгой «Возращение к истокам. Страницы истории деревни Апанасово-Темяши» [Егоров, Егорова, 2017].

Работа основана на анализе архивных документов в их взаимосвязи с историческими событиями рубежа XIX–XX столетий в целом и биографией самого ученого в частности. Исследование ставит целью введение в научный оборот архивного мате-

риала, относящегося к указанному периоду, а также песенного материала, важного с точки зрения фольклористики.

Результаты и их обсуждение

Выдающийся ученый, историк, этнограф и фольклорист Н. В. Никольский, начавший, еще будучи студентом Казанской духовной академии, собирать исторические, этнографические, фольклорные материалы, в августе 1904 г. более десяти дней провел в деревне Апанасово-Темяши Тетюшского уезда Казанской губернии (ныне Яльчикского района Чувашской Республики) и оставил интересные сведения о жизни крестьян деревни начала XX в. Эти рукописные записи [Отд. I. Ед. хр. 156. Инв. №4660] видного ученого, хранящиеся ныне в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, были обнаружены нами в ходе исследовательской работы над книгой «Возвращение к истокам. Страницы истории деревни Апанасово-Темяши», пятая глава которой посвящена как раз пребыванию Н. В. Никольского в деревне [Егоров, Егорова 2017, с. 86–100].

Как известно, в 1904 г. ученый опубликовал на русском языке «Программу для собирания сведений о чувашах», в которой просил присылать ему сведения исторические, географические и этнографические, записи произведений фольклора [Никольский, 1904]. Действительно, судя по записям, составленным в деревне Апанасово-Темяши, его интересовали и исторические, и географические, и этнографические сведения, а также фольклорные материалы.

Исследовательская работа по сбору этнографических материалов, по-видимому, представляла определенную трудность, так как местные жители, по признанию самого Н. В. Никольского, встретили его настороженно и с некоторым недоверием: «...Чуваши или стыдятся своего прошлого, или забыли о нем, как они сами говорят, только что-то очень мало и неохотно сообщают. Впрочем, может быть, они меня стесняются, так как многие меня считают за важного барина, некоторые даже за члена царской фамилии, а некоторые за японца. Вообще к моему приезду отнеслись недоверчиво» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 20].

Из записок Н. В. Никольского в первую очередь можно узнать о расположении деревни Апанасово-Темяши, численности и национальном составе ее жителей в 1904 г., другие историко-географические сведения: «В ней 90 домов с населением 232 души мужчин и 235 душ женского пола. От села Байглычево она стоит в 5 верстах и расположена правильными улицами по западному уклону отлогого холма. Возле деревни с западной стороны протекает речка, которая, впрочем, по местам превращается совсем в ручеек, называется она Большой Булой (*Аслă Пăла*).

В общем деревенька имеет вид довольно веселый и опрятный. Непосредственно за домами тянутся пышные хлеба, а на юго-западе блестит светлой извилистой полосой речка, по обеим сторонам которой расположены луга, дальше на западе виднеются покатые холмы и теряются где-то за горизонтом в голубой дымке. Де-

ревню эту, по рассказам старожил, основал какой-то приезжий чувашин Апанас. В настоящее время в Апанасово-Темяшах есть церковно-приходская школа, в которой обучаются до 30 мальчиков и 24 девочки. <...>

В Апанасово-Темяшах есть и русские, или скорее полурусские, так как, по рассказам старожил, они произошли от татарина, женатого на русской. Теперь их десять домов, а сначала был только один. Лицом они походят на русских с татарским оттенком и все прекрасно говорят по-русски, хотя все знают и чувашский язык не хуже чуваш. Чуваши же, хотя и походят на русских, но вид у них какой-то мученый, будто они месяца два ничего не ели. Кожа на лице медно-красная, и редко можно встретить чувашина со здоровым цветущим лицом, особенно из пожилых.

Что касается строения в этой местности, то оно ничем особенным не отличается от русских. Из 90 изб в Апанасово-Темяшах только три-четыре черные, а остальные построены по белому. Около избы двор с необходимыми службами для скота, причем у более состоятельных служб больше и двор устроен получше, а у бедняков часто торчит только избенка с сенами. Недостаток в необходимых жизненных принадлежностях заставляет некоторых уходить на заработки, а кто найдет на стороне возможность устроиться более безбедно, тот и совсем туда переселяется. Из Апанасово-Темяшей, например, выселилось более десяти семейств, причем переселенцы нашли пристанище – некоторые в Томской губернии, некоторые в Баку, а некоторые приютились служащими на железных дорогах. Некоторые по разным причинам возвращаются опять на родину, часто с русскими женами, причем являются сами обрусевшими и вносят обрусение в окружающую среду» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 6–10].

Этнограф отмечает, что «был разочарован, когда познакомился с местностью», что «рассчитывал увидеть заповедные рощи, с вековыми деревьями, в которых если не теперь, то прежде, производились языческие моления чуваш, думал, что эти рощи, во всяком случае, и теперь оберегаются как нечто священное, любимое.

Оказалось, совсем наоборот: непроходимая нужда заставила и этих любителей девственной природы обратить всё в пашни, местность приняла вид степи. <...>

Борьба за существование способствует развитию, заставляет людей перенимать более усовершенствованные жизненные приемы у соседних племен. Это, по-видимому, заметно и на чувашах описываемой местности. В общем, здешние чуваш обрусели, русицизмы встречаются в языках, в одежде и во всех приемах, относящихся к борьбе за существование. Многие ими перенято также и у окружающих татар, но, надо думать, очень давно и держится в настоящее время в силу обычая, как свое национальное. Необходимая принадлежность татарской избы – котел для варки пищи и нары есть непременно и в чувашской избе, встречаются, впрочем, теперь у некоторых и русские полати, но нары предпочитают» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 3–5].

Отдельное место в исследованиях молодого ученого занимало образование чуваш. Кстати сказать,

в 1904 году в журнале «Православный собеседник», а в 1906 году отдельной книгой было опубликовано исследование Н. В. Никольского «Народное образование у чуваш», в котором на основе многочисленных источников глубоко освещалась история распространения грамотности среди чувашей [Никольский, 1906]. В записях о жизни чуваш Байглычевского прихода Тетюшского уезда [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156.] ученый также касается образования местных жителей и отмечает, что «главным двигателем к развитию и обрушению являются в данной местности школы, которые переполнены учащимися. Из чуваш этой местности много вышло и выходит учителей и священников. Это обстоятельство имеют в виду как родители, так и дети, даже девочки, потому что и на их долю выпадало счастье или быть учительницей, или выйти замуж за учителя и даже стать матушкой.

Трудно, разумеется, допустить, чтобы подобные обстоятельства способствовали переполнению школ учащимися, двигателем к просвещению служит что-то другое, более осязаемое. Нужда в образовании чувствуется инородцами чуть ли не сильнее, чем русскими, так как без знания русского языка, русской грамоты инородцу очень трудно обойтись в настоящее время. Кроме этого, к школе привлекает чувашских детей пение, которое они страстно, по-видимому, любят. Мне рассказывали случай с одной взрослой девицей, которая вздумала учиться грамоте и пению, чтобы петь в церкви. Родители ее не отпускали, но их уговорили взрослые братья – певчие, и таким образом девица ходила в школу целую зиму, терпя различные насмешки от молодежи. Увлечшись пением и школьной мудростью, она и на следующую зиму стала проситься в школу, но ее родители не пустили, тогда она стала посещать школу тайком. Прекратить посещение школы ее заставили только побои, но она все же выучилась грамоте и теперь поет в хоре» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 10–12].

Н. В. Никольский делает акцент на том, что жители деревни Апанасово-Темяши – прихожане Троицкой церкви села Байглычево Алькеевской волости – со временем изучения основ православия становились не только просто верующими людьми, но и намного продвинутыми людьми в сфере получения знаний, образования, культуры и православной веры. И это во многом благодаря энергичной деятельности священника Троицкой церкви с. Байглычево Алексея Васильевича Рекеева (1848–1932), который «служит в Байглычево около 25 лет и за это время со своими прихожанами при сочувствии благотворительных лиц выстроил церковь и 3 школы, последние сам и основал» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 12]. Н. В. Никольский также отмечает, как с трудом давалось продвижение основ православия среди местного населения, в том числе и жителей деревни Апанасово-Темяши. Какие понятия чуваш имели о церкви в восьмидесятые годы XIX века, Николай Васильевич описывает, как им отмечено, по рассказам отца Рекеева: «В первые годы по приезду в Байглычево совершал он (А. В. Рекеев. – О. Е.) однажды литургию. Была зима и погода стояла

холодная. Входит в церковь чувашин в шапке и, хлопая рукавицами, говорит: «Ай, сивё, ай, сивё!» [Ай, холодно, ай холодно!]. Когда ему заметили, что шапку нужно снять, он, недоумевая, сделал это и направился к печке. Отогревая около нее руки, стал налаживать трубку, намереваясь закурить. Ему заметили, что и этого делать нельзя, он переспросил, держа трубку в зубах: «юрмасть?» [нельзя?], и отправился вон из церкви» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 13].

А уже в начале XX в., как отмечает Н. В. Никольский, «благодаря переводческим изданиям, во множестве распространяемым тем же о. Рекеевым через имеющийся у него склад, школам и другим двигателям просвещения, население далеко продвинулось вперед в смысле развития и усвоения православия, особенно это заметно на молодом поколении» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 13].

Исследователь указывает на то, что жители усердно посещают церковь даже во время страды, причем многие ходят за пять и более верст. В то же время Н. В. Никольским отмечается остаток языческих приемов в религиозных обычаях, что жители, несмотря на старания священников, предпочитают придавать христианским обычаям языческое значение: «Что может свидетельствовать о Байглычевских чувашах как о новичках в православии, так что только то, что они стараются как можно больше ставить свеч, причем свечи ставятся копейные и перед каждой иконой по выбору. Это должно быть остаток языческих приемов в молитвенных жертвоприношениях. <...> Особо чтимыми святыми в этой местности считается святые Василий Великий и Николай Угодник, из которых первого чувашин зовут Василь Васильич, а второго – Никола Охотник. К ним обращаются в случае болезни кого-либо из членов семьи или скотины и воздают особые почести, причем в случае постигнутого несчастья к ним обращаются не тотчас, а делается только обещание сделать то-то и то-то. Захворал, например, кто-либо из семьи, чувашин дает обещание в случае выздоровления поставить свечу во столько-то копеек или отслужить молебен, требующиеся на этот предмет деньги также откладываются в особый мешочек, хранящийся нарочито для этого. Случится в доме новое несчастье, делается опять обещание и откладываются в запасной мешочек деньги и т. д. до известного дня, когда и исполняются все обещания разом.

Байглычевские чувашин нередко дают подобные обещания и выполняют их перед иконой св. Николая в селе Ишаках, верст за 15 от Байглычева, причем требуется обязательно личное присутствие обещавшегося и расходуются непременно все обещанные деньги, иногда рубль два и более.

<...> Если чувашин почему-либо хочет навсегда прекратить поездки к святому чужой церкви, то он, молясь ему в последний раз, заявляет свои причины, почему хочет прекратить к нему ездить. Молится он в этом случае в таком приблизительном роде: «Ты живешь далеко, ездить мне к тебе трудно, у нас своя церковь, передай, пожалуйста, свои права на заступничество святому такому-то в нашей церкви, ему я и

буду молиться как тебе, а ты уже на меня не сердись». Вот подобным образом прекращается паломничество к особо чтимым святым других приходов. На религиозной почве ведется у чуваш также и поминовения умерших, совершаемые в поминальные субботы, установленные православной церковью. В Дмитриевскую субботу (26 октября) чуваш варят пиво, кашу, берут водки и поминают предков, переходя из дома в дом по своим родственникам; но на кладбище никого не бывает» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 14–20].

Очень интересным, на наш взгляд, является описание одного из обрядов, на которых молодой ученый присутствовал, будучи в деревне Апанасово-Темяши в начале августа 1904 г.: «Сегодня с хозяином (дома, где Н. В. Никольский снимал жилье. – О. Е.) ходили в гости «така сѣме» (барана поесть) к одному его родственнику, который нас усиленно приглашал. Праздник «така сѣме» справляется чувашами в период времени с Петрова дня до начала страды и заключается в следующем: домохозяин назначает в этот период какой-либо определенный день, варит к нему пиво, если богатый и гости предполагаются из других деревень, то берет и водки, готовит угощение и непременно режет барана, который весь в этот день и варится. Приготовившись таким образом, он созывает родственников, и начинается угощение. Едят и пьют очень много. Сваренный баран разрезается на куски, кладутся эти куски в большую чашку и оттуда гости берут уже прямо руками, причем куски мяса выглядят такими затасканными, как будто они где-то долгое время валялись, потом собраны и принесены, но гости, несмотря на это, кушают с большим аппетитом. Тут же угощают пивом, и надо сказать, очень усердно, буквально не дают ни отдыха, ни сроку. Кроме того, умудряются и чай пить в это же время. Если гостей много, то пиво то и дело таскается ведрами. Чуваш его, по-видимому, любят и пьют очень много. Варят пиво не только к праздникам, но и так запросто и пьют, а к большим праздникам и свадьбам варят его ведер по сто и больше.

Но пиво <...> – это скорее квас с хмелем и то плохой, у русских я такого пива не встречал, а чувашам ничего, верно, – «сысна хырăмне ыраш пăсмасть» [свиной живот рожь не испортит], говорят они в этих случаях. Для них хорошее угощение составляет, как будто не качество предложенного, а количество.

Самым почетным угощением у чуваш считается «шыртан» (изрубленное и набитое в кишки мясо, вроде колбасы), оно, говорят, предлагается в большинстве случаев на свадебных пирах и у богатых в большие праздники.

Явившись к гостеприимному хозяину, мы там застали много гостей. Зарезанному барану уже воздана была надлежащая честь, и чаепитие подходило к концу. Нас пригласили за стол, а у печки накрыли другой стол, за который уселось человек шесть чувашек и начали уничтожать «шурпе» (щи). Чуваш-мужчины сидели на нарах и пили пиво, ведя оживленный разговор. Тут уже мне пришлось пить, – не пить нельзя, покажешь неуважение к хозяину, – который то и дело подходит и говорит: «Тав сана». Я отвечаю: «тавах» и хозяин, вы-

пивши стакан, немедленно наполняет опять и подносит мне. С той же церемонией выпивал и я стакан этой бурды, называемой пивом. (Пить помалу – неуважение к хозяину). Хорошо, что эта жидкость была не пьяная, а иногда, говорят, бывает очень пьяная. Тут же нас угощали чаем, мясом, яйцами, так что в конце концов я почувствовал себя в положении крыловского Фоки. <...>

В конце угощения иногда у чуваш варят кашу, так называемую «пăшăл пăтти». Это каша служит знаком, что, поевши ее, следует немедленно убираться домой. Она, говорят, составляет необходимую принадлежность свадебных пиров.

В гостях я заметил, как один чувашин, глядя на меня, спрашивал моего хозяина: «Хăлхи шăтăк-ши, шăтăк мар-ши?» [уши его дырявые или не дырявые?]. Слова знакомые, и дома я спросил хозяина, что они значат. Оказалось, что это условный вопрос и означает: может ли он понимать по-чувашски. Оказывается, что человек, если и знает по-чувашски, и то не может догадаться, к чему относится этот вопрос, не зная его условного значения. Употребляются также чувашами следующие условные выражения: «Ытлашши пĕрене пур» [имеется лишнее бревно], «Ытлашши сурăксем пур» [имеются лишние дыры]. Этими выражениями один предупреждает другого, что говорить на счет такого-то нельзя, есть здесь лишние люди, то есть такие, которые наши слова передадут» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 20–26].

Что касается каши, называемой Н. В. Никольским *пăшăл пăтти*, то надо отметить, что многие семьи Яльчикского района до сих пор чтут этот обычай и подают кашу гостям перед их уходом после шумного застолья. Слово *пăшăл* восходит к русскому «пошёл», отсюда – *пошишол (пăшăл) пăтти* – каша, после поедания которой надо уходить домой.

Посетил Н. В. Никольский и базар, расположенный в соседнем селе: «Чувашский базар мне пришлось увидеть в селе Яльчиках, верстах в 5 от Байглычева. Это большое село с чувашским поселением. Сюда на базар съезжаются татары и чуваш из окрестных сел и деревень, некоторые верст за двадцать и больше. Дело было перед страдой и базар в это время должен быть большой. Народу действительно съехалось очень много, но базар показался мне каким-то вялым, не было того оживления, какое обыкновенно замечается на русских базарах. Предметов торговли сравнительно с русским базаром очень мало. Кустарных изделий, если не считать глиняную посуду и лубочные корзины для детей, совсем почти не было. Это должно быть зависит от того, что кустарные промыслы в краю очень плохо развиты. Лавок с ситцами тоже очень мало, да и те товаром совсем бедны <...>.

Женщин на базаре сравнительно с мужчинами мало, а девушек еще меньше. Из девушек решаются приезжать должно быть только те, которые имеют надежную охрану от непрошенных женихов, или которые не боятся, что они посредством умыкания могут очутиться замужем. Умыкание невест у чуваш случается до сих пор, хотя и не часто. Бедный жених, не имея средств заплатить порядочный «хулым» [хулăм – ка-

лым, выкуп за невесту], решается силой увезти нужную ему девушку и держать ее день два у себя. Потом дают знать родителям и о местонахождении их дочери, и родители вынуждены бывают во избежание позора выдать дочь за этого жениха совсем без «хулыма», или сократив его до возможной для жениха степени. Некоторые родители в подобных случаях иногда вынуждены бывают увезти девушку обратно домой, но тогда она считается уже опозоренной и редко выходит за хорошего жениха.

Нравственность у чуваш вообще охраняется очень строго, и проступки женщин и девушек против чести составляют весьма редкое исключение. В деревне Апанасово-Темяши проживает один чувашин, ходивший прежде на отхожие промыслы. Жена у него была русская, <...> и задумал найти себе нелегальную подругу жизни. Нашел какую-то чувашку и привел к себе в дом. Но общество, видя такой беспорядок, собрав сход, постановило прогнать из деревни эту чувашку» [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 156. Л. 27–33].

Таким образом, благодаря Н. В. Никольскому имеем возможность ознакомиться с бытом и нравами чувашской деревни начала XX в.

Кроме того, исследователь записал 70 песен (*вайй кёвви*), исполняемых молодежью во время хороводов (*вай-ара*). Как видно из записей собирателя [НА ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 159. Л. 55–70], в своих песнях девушки деревни Апанасово-Темяши особое внимание оказывали гостям из соседнего с. Байдеряково. Из всех куплетов песен *вайй кёвви*, записанных Н. В. Никольским, шесть куплетов посвящены молодежи из этого села, парни и девушки из других близлежащих сел и деревень при этом не упоминаются:

*Леш еккинчи хур чейпи начарлана пусланй.
Серши пырса чуп тунй та, самайлана пусланй.
Патреккел хёрёсем начарлана пусланй.
Каччи пырса чуп тунй та, самайлана пусланй.*

*Пус кутёнче кывакал, кывакал
Пустав тёслё курянасть, курянасть.
Патреккел ачисем, ачисем
Шуйтан тёслё курянасть, курянасть.*

*Чёрик-чёрик урапа,
Урапа тикётлемен теещё, теещё.
Патреккел ачисе, ачисе,
Питне суман теещё, теещё.*

*Кёпер синчи шур юпа
Куллен ыр ут кётет вай.
Патреккел хёрёсем
Куллен хата кётет вай.*

*И хут кёпер, хут кёпер,
Хумханмасар касрамар, касрамар.
Патреккел хёрёсе(не), хёрёсе(не),
Пёр хулансар илтёмёр, илтёмёр.*

А вот куплеты, которые восхваляют девушек родного села:

*Хур курассар килет-им,
Пайла хёрне анса кур.
Хёр курассар килет-им,
Хёр курассар килессён,
Пир(ё)н Тимеше пырса кур,
Пир(ё)н Тимеше пырса кур.*

*Тимеш шывё таран шыв, таран шыв,
Чи таранни пилёкрен, пилёкрен.
Тимеш хёрё – сарй хёр, сарй хёр,
Сарй сўсё пилёкрен, пилёкрен.*

*Кёленче сямарта кустартым,
Чулхулана ситертём.
Чулхулара чул хакля,
Пирён Тимешре хёр хакля.*

Гусенок с другой улицы начал болеть.
Воробей поцеловал, и начал выздоравливать.
Девушки Байдерякова начали болеть.
Молодой человек поцеловал, и начали выздоравливать.

У колодца утки
Похожи на сукно.
Молодые люди Байдерякова
Похожи на чертей.

Худое колесо
Не обработано дегтем, говорят.
Молодые люди Байдерякова
Не вымыли лица, говорят.

Белый столб на мосту
Каждый день ждет доброго коня.
Девушки Байдерякова
Каждый день ждут сватов.

О, бумажный мост,
Перешли без волнений.
Девушек Байдерякова
Взяли замуж без выкупа.

Хотите увидеть гуся,
Сходите на берег Булы.
Хотите увидеть девушку?
Если хотите увидеть девушку,
В наши Тимяши придите,
В наши Тимяши придите.

Воды Тимяшей глубоки,
Самое глубокое место до пояса.
Девушка Тимяшей – красна девица,
Белы волосы до пояса.

Покатил стеклянное яйцо,
Докатил до Нижнего Новгорода.
В Нижнем Новгороде камень дорогой,
В наших Тимяшах девушки дорогие.

*Вун ик куккук, пёр карйш, пёр карйш
Авйтаççе пёр харйс, пёр харйс.
Çак Тимеш хёрёсем, хёрёсем
Вйй калаççе пёр харйс, пёр харйс.*

*Хранцузски пусманйн, пусманйн
Хйсан тесе кайни пур, кайни пур?
Çак Тимешсен хёрёсен, хёрёсен
Хйсан яче кайни пур, кайни пур?*

*Çуттайн, çуттайн курнакан
Чиркӳ тӳрри мар-ши çав?
Вйй сатур калакан, калакан
Тимеш хёре мар-ши çав, мар-ши çав?*

Кроме куплетов *вйй кёвви*, Н. В. Никольским записаны и чувашские гостевые песни (*хйна юрри*), услышанные им в исполнении жителей деревни [НА ЧГИГН. Отд. I. Т. 159. Л. 70–71]:

*Сиктермелле урапа, иёс урече,
Хйш енчен сиксе ларам-ши?
Аппаçӳм та йыснаçӳм,
Хйш урӳртан тытса тайлам-ши?
Сылтам ураран тытса тайӳлсан,
Мул лапчӳнать тесе ан калӳр.
Сулахай урӳртан тытса тайӳлсан,
Пире хурлат тесе ан калӳр.*

*Шӳнкӳр-шӳнкӳр шыв юхать,
Шӳнкӳрч чӳппи шыв ёсет,
Чёкес чӳппин мён ёс пур?
Блтайна кемёл тавлашать,
Пӳхӳр укçан мён ёс пур?
Тӳванпала тӳван савйшать,
Çичё ютӳн мён ёс пур?*

*Вун иккёпе тунӳ çӳпата,
Сырйчен сырасси.
Сырмарӳм, сырсан
Пӳрахасса пёлмерём.
Ах, тӳвансем, чунӳмсем,
Курйчен курасси сунмарӳм,
Курсан уйрӳласса пёлмерём.*

*Вун иккён те явнӳ чён чӳпӳрка,
Мёншён сӳтёлмелле явнӳ-ши?
ӳрасна çуралса, пёрле уссе,
Мёншён уйрӳлмалла сырнӳ-ши?*

*Атьӳр ан та кайӳр каймалла,
Кайӳк çар хӳвине çитмелле,
Кайӳк çар хӳвине çитсессён
Ларса та пёр канаши тумалла;
Ларса та пёр канаши тусассӳн
Атте-анне килне те çитмелле.
Атте-анне килне çитсессён
Пуçламан пичкине пуçламалла.*

Двенадцать кукушек, одна коростель
Поют одновременно.
Эти тимяшские девушки
Поют одновременно.

Французская ткань
Когда-нибудь выцветала?
Эти тимяшские девушки
Когда-нибудь теряли имя?

Светлой, светлой кажущееся
Не церковь ли?
Поющая задорно
Не девушка ли из Тимяш?

Качалка, медная грядиль,
С какой стороны бы сесть?
Сестра моя и зять,
До какой ваши ноги дотронуться для поклона?
Если дотронусь правой ноги, и поклонюсь,
Не говорите, что богатства станет меньше.
Если дотронусь левой ноги, и поклонюсь,
Не говорите, что ругаю вас.

Журча, течет вода,
Птенец скворца пьет воду,
Что за дело к нему у птенца ласточки?
Золото с серебром спорят,
Что за дело к ним у меди?
Родственники радуются,
Что за дело к ним у чужих?

Лапти, сплетенные двенадцатью полосами лыка,
Лучше не обуваться.
Не обулся, но когда обулся,
Не захотелось снимать.
О, моя родня, моя душа,
Пока не виделись, не думал увидеться,
Но когда увиделись, не захотелось проститься.

Нагайка, сплетенная двенадцатью полосками,
Почему же ее сплели так, чтобы можно было расплести?
Рожденным порознь, росшим вместе,
Почему же суждено расстаться?

Давайте же не уходите насовсем,
Дойдите до порослей, где живут птицы,
Когда дойдете до порослей,
Нужно сесть и посоветоваться;
Когда посоветуемся,
Нужно дойти до дома родителей.
Когда дойдем до родителей,
Нужно открыть непочатую бочку.

Выводы

Записи исследователя, хранящиеся в научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук, являются ценными историческими источниками, дающими общую картину повседневной жизни чувашской деревни того времени. Жителям деревни Апанасово-Темяши Яльчикского района Чувашской Республики начала XX в. однозначно повезло в том, что им суждено было общаться с исследователем-этнографом, будущим профессором Казанского универси-

тета, доктором исторических наук Н. В. Никольским, из записей которого можно почерпнуть много ценной информации. Каждому нынешнему жителю или уроженцу этих мест остается лишь предположить, что свои записи ученый сделал со слов его прадеда или прапрадеда, и гордиться тем, что именно в его родной деревне были сделаны записи этнографического характера, понимая при этом, что деятельность Н. В. Никольского по изучению фольклора, этнографии чувашей имеет общенациональное значение.

Список литературы

1. Дмитриев В. Д. Н. В. Никольский – ученый, педагог, общественный деятель. Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2002. 102 с.
2. Дмитриев В. Д., Леонтьев А. П., Матвеев Г. Б. Н. В. Никольский – ученый, просветитель, общественный деятель. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2011. 302 с.
3. Дмитриев В. Д., Матвеев Г. Б. Никольский // Чувашская энциклопедия. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2009. Том 3. С. 241–242.
4. Егоров С. А., Егорова О. Н. Возвращение к истокам. Страницы истории деревни Апанасово-Темяши. Чебоксары : Типография №7, 2017. 256 с.
5. Никольский Н. В. Из жизни чуваш Байглычевского прихода Тетюшского уезда. Деревня Апанасово-Темяши. 10 августа 1904 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 156. Инв. №4660. Л. 1-51.
6. Никольский Н. В. Народное образование у чуваш : исторический очерк. Казань, 1906. 86 с.
7. Никольский Н. В. Программа для собирания материалов о чувашах. Казань : Типография Императорского университета, 1904. 10 с.
8. Никольский Н. В. Собрание сочинений : в 4-х томах. Чебоксары : Чувашское книжное издательство, 2004–2009.
9. Никольский Н. В. Чувашские песни. Тетюшский уезд Байглычевского прихода. Деревня Апанасово-Темяши. Август 1904 г. // НА ЧГИГН. Отд. I. Фонд Н. В. Никольского. Ед. хр. 159. Инв. №4707. Л. 55–71.

References

1. Dimitriev, V. D. (2002). N. V. Nikol'skii – uchenyi, pedagog, obshchestvennyi deiatel', 102. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta.
2. Dimitriev, V. D., Leont'ev, A. P. & Matveev, G. B. (2011). N. V. Nikol'skii – uchenyi, prosvetitel', obshchestvennyi deiatel', 302. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
3. Dimitriev, V. D. & Matveev, G. B. (2009). Nikol'skii. *Chuvashskaia entsiklopediia*. Vol. 3. 241–242. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
4. Egorov, S. A., & Egorova, O. N. (2017). *Vozvrashchenie k istokam. Stranitsy istorii derevni Apanasovo-Temiashi*, 256. Cheboksary : Printing house No. 7.
5. Nikol'skii, N. V. (n.d.). Iz zhizni chuvash Baiglychevskogo prikhoda Tetiushskogo uезда. Derevnia Apanasovo-Temiashi. 10 avgusta 1904 g. *NA ChGIGN*. Otd. I. Fond N. V. Nikol'skogo. Ed. khr. 156. Inv. 4660. L. 1–51.
6. Nikol'skii, N. V. (1906). *Narodnoe obrazovanie u chuvash: historical essay*, 86. Kazan.
7. Nikol'skii, N. V. (1904). *Programma dlia sobiraniia materialov o chuvashakh*, 10. Kazan' : Tipografiia Imperatorskogo universiteta.
8. Nikol'skii, N. V. (2004–2009). *Sobranie sochinenii : v 4-kh tomakh*. Cheboksary : Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Nikol'skii, N. V. (n.d.). *Chuvashskie pesni. Tetiushskii uезд Baiglychevskogo prikhoda. Derevnia Apanasovo-Temiashi. Avgust 1904 g.* *NA ChGIGN*. Otd. I. Fond N. V. Nikol'skogo. Ed. khr. 159. Inv. 4707. L. 55–71.

Информация об авторе

Егорова Ольга Николаевна – старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин БОУ ВО «Чувашский государственный институт культуры и искусств» Министерства культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики, Чебоксары, Российская Федерация.

Information about the author

Olga N. Egorova – senior lecturer of department of Humanities and socio-economic disciplines, BEI of HE "Chuvash State Institute of Culture and Arts" of the Ministry of Culture on Nationality and Archival Affairs of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russian Federation.

Поступила в редакцию / Received 22.03.2022

Принята к публикации / Accepted 14.06.2022

Опубликована / Published 21.06.2022